

Игорь Шестков

ПОЛКИЛО КУРАГИ

Не знаю точно, когда, где и как, но знаю твердо, что совершил фатальную ошибку. Ошибки я делал всегда. И не только арифметические или грамматические. Я ошибался в людях. Выбрал неправильную профессию. Родился не в той стране. Эмигрировал тоже не в ту страну. Ошибался и в себе самом. Но только эта, последняя ошибка уничтожила мою жизнь. То, что я считал своей жизнью.

Возможно, что-то показалось мне мелочью, пустяком, я был недостаточно зорок, чувствителен, великодушен, не обратил на что-то внимание, проигнорировал то, что нельзя было игнорировать... сделал или сказал что-то не то, не там, просчитался, недоглядел, обидел кого-то или, не замечая этого, как-то оскорбил вершителей судеб, и вот, все пошло прахом. Все, что я пытался создать, во что вкладывал все силы, на что молился, перед чем благоговел.

Безжалостный шестирукий истукан перевел невидимые стрелки, и мой поезд, бездумно мчащийся по плоскогорью, простирающемуся между пятью заснеженными вершинами, сошел с рельс и покатился, теряя вагоны, по бездорожью. Через овраги и провалы. Сквозь глину, известняки и водные толщи. Покатился туда, откуда нет возврата.

Скоро от поезда не осталось ничего. Ничего, кроме моего тела.

Я один был и локомотивом, и вагоном, и купе, и единственным пассажиром. И я гудел и стучал колесами и жадно всматривался в летящий назад пейзаж через два окна, застекленные стрекозиными крыльями.

Бешеный бег начал замедляться.

...

Вначале я почувствовал телесную слабость и одиночество. Нет, не то одиночество, что мы испытываем в детстве и юности. Без чудной музыки сфер и без манящих призрачных видений будущего. Без шепота фей и предчувствия блаженства.

Мое тело перестало меня слушаться, стало чужим, почти враждебным, грозящим неминуемой гибелью, мне осточертело все, чем я жил долгие годы, мне позарез нужна была помощь и сочувствие близких людей, но мои знакомые и родные как будто забыли меня.

Я заметил это не сразу. А когда заметил, долго не хотел признаваться в этом самому себе. Потом все-таки признался, поразмышлял и решил, что если я не могу оздоровить, омолодить и вновь подчинить себе мое тело и душу, то должен хотя бы напомнить о себе дорогим мне людям. Пока мой поезд не покинул этот мир навсегда.

Ударить в колокол. Выстрелить из пушки. Или хотя бы громко закричать.

Но колокол треснул. Порох отсырел. А из глотки моей, как я ни пыжился, вылетал только жалкий писк.

Позвонил жене, с которой не разговаривал уже три года. Или пять лет? Или восемнадцать?

Она жила на юге Франции с каким-то французом. Там они разводили черные трюфели в небольшой дубовой рощице, унаследованной французом от богача-деда, знаменитого в свое время антидрейфуссара.

Никто не подошел к телефону. Наверное жена и ее сожитель купались в это время в небольшом прудике с лилиями недалеко от шато. Брызгались и ловили руками золотых карпов кои. Когда-то жена присылала мне фотографии этих драгоценных японских тварей. Я бы за этих уродов не дал ни цента. Ну разве что их запекли бы в сметане. С лучком и перчиком.

Позвонил еще раз. Мне ответил автоответчик. Сообщил, что у этого номера нет абонента телефонной сети. Затем, неожиданно, добавил с чувством: Не звони ей, мишуге, не пугай воробышков. Им и так тяжело. Сам знаешь, засуха. Асфальт плавится. Фата-морганы... В трубке послышался отчаянный воробыный клекот.

Потом все стихло.

Что за издевательство!

Позвонил другу в Москву. Ответил автомат.

– Вы набрали неверный номер! Вы набрали неверный номер! Вы набрали неверный номер!

Повесил трубку.

Телефон тут же зазвонил. Тот же голос объяснил, бесстыдно амикошонствуя, что «как известно, покойники по телефону не разговаривают. Твой друг на кладбище, мишуге. Его внутренности жрут черви. Ты на самом деле хочешь, чтобы он тебе ответил? Это можно устроить. Жди его у себя дома между двумя и тремя ночи. Он придет. Во всем своем великолепии. Получишь незабываемые впечатления! Только проветрить помещение не забудь. Потому что будет душно. Сам понимаешь, запашок-с.»

Гудки.

Погодите, погодите. Какой запашок? Мой друг жив, жив!

Жив? Когда мы последний раз разговаривали? Хм...

Двадцать шесть лет назад. Или еще раньше?

...

Решил зайти к соседке, с которой... одно время...

Ну да, я же ее вчера видел. Она сажала цветы на нашей общей клумбе. Запомнились ее смешные синие рейтузы. Когда-то она была нежна со мной. Мы проводили дни и ночи в постели. Лизали друг друга как морские свинки.

Зайду, поговорю... проверю, не забыла ли меня и она. Спрошу у нее, что за ошибку я совершил. За что наказан. Она все всегда знает. Даст совет, утешит, успокоит...

Вышел на лестничную площадку. Позвонил в квартиру напротив.

За дверью тут же залаяла собака.

Попытался вспомнить, была ли у соседки собака.

Вроде, не было. Она разводила дома алоэ... или орхидеи... Нет, азалии. Красные такие цветочки. Похожие на капельки крови. И еще, в спальне у нее стояла большая клетка с двумя карликовыми ежами. Они копошились, сопели и чавкали. Мешали спать. А в кухне – аквариум с черепашками. Некому там лаять.

Мне долго не открывали. Затем открыли. Какой-то неизвестный мне полуголый тип в наколках, желтом парике и в ужасных трусах для японской борьбы сумо. С белым

бульдогом на поводке. На шее у собаки болталась золотая медалька. На медальке был выгравирован бульдог и полукруглая надпись «Чемпион Национального Клуба» чего-то там, не разглядел.

Собака посмотрела на меня грозно и зарычала. Медалька на ее жилистой шее затряслась.

– Что вам надо?

– Хотел поговорить с госпожой Монро.

– В этой квартире живу я один. Уже пятнадцать лет. Только я и собака, дошло?

– Позвольте, а как же госпожа Монро? Я вчера ее видел... на клумбе... в синих рейтузах.

– Ну, не знаю, кого вы там видели...

В глазах у его собаки пылала ярость. Из пасти ее сочилась слюна. Ей явно хотелось вцепиться мне в горло. Я инстинктивно втянул голову в плечи. Приготовился к обороне. Сжал связку ключей в кулаке.

Тип в парике втянул упирающуюся собаку в квартиру и захлопнул перед моим носом входную дверь.

Я не мог найти разумного объяснения пропаже соседки. Еще вчера она, ворча, выпалывала репейник на клумбе. А синие рейтузы так заманчиво обтягивали ее филейные части.

Неужели она незаметно для меня обзавелась мужем-грубияном, носящим желтый парик и эти кошмарные трусы, а сама превратилась в омерзительное животное... с медалькой... в бульдожицу.

...

Надо было использовать мой последний козырь. То единственное, корневое, надежное, что еще привязывало меня к жизни. Мой якорь. Надо было позвонить дочери.

Не люблю я это делать. Потому что она вечно занята, ей не до меня. Работа, карьера, дети, дети, дети, готовка, муж, муж, отпуск, отпуск, отпуск. Тоскана, Южный Тироль, Пиренеи, Сардиния, Гибралтар, Боденское озеро...

Набрал номер ее мобильного телефона. Ответил автоответчик. Опять он!

– Вы звоните в практику доктора... в неприёмное время. В неприёмное время, понимаете! В неприёмное время звонят только невоспитанные люди. Мы открыты для посетителей в среду и четверг с 15-и до 18-и часов. Прием только по предварительной записи. Признаем только частные страховки. Давно пора покончить с левачеством. Да здравствует чистоган и правая альтернатива. Дошло, мишуге? Частной страховки у тебя нет. Так что ты раззвонился? Не хочешь в колодец лезть и руки пачкать, социалист? Никому покоя не даешь, занятых людей от дела отрываешь. Жену измучил. А она и так на грани срыва. Все трюфели в этом году яванские кабаны сожрали. Им ведь тоже, того... вкусенького пожрать охота. Не все же в Красной книге сидеть, да желуди лузгать... А ее француз стал, между прочим, заядлым инфантосексуалом. Куда твоей старухе за ним угнаться. Друга московского из могилы вырыл, а он прах, подснежник. К соседке приклеился как дубовый лист. А у нее мама старенькая, в деменции, а папа алкоголик и зоофил, с молочницей живет. Многодетной дочери, доктору медицинских наук, мешаешь заботиться о пациентах и о потомстве. Занята она! Понял, занята. На скрипке играет и детей воспитывает. И в оперу ходит. Сам-то ты даже на пианино не научился бренчать, позорище... Учили тебя, учили... Да-с, Петр Ильич будет очень недоволен твоим поведением. Может направить тебя на полгода в зайчатник или на цугундер, к папе

Эрдогану. Наплачешься! Да и вообще, ты уверен, что у тебя есть этот якорь? Ты хоть в чем-нибудь уверен, голубок малиновый? Или твои мозги уже превратились в гречневую кашу с простоквашей и смородиной? Положи трубку, мишуте, подними свое нелепое туловище панды с дивана, если сможешь, конечно, и иди в прихожую. Постарайся по дороге не рассыпаться и не расплескаться. Включи там свет и посмотри в зеркало...

...

Как он... они могли узнать?

О господи!

Дело в том, что... я уже много лет не смотрелся в зеркало. С тех пор как...

Однажды посмотрел на себя и так себе не понравился, что решил больше своей постаревшей физией не любоваться. Дряхлый, жирный. Подурневший. Как говорит моя хамоватая сестра, живущая в Чикаго – выживший из ума и ввавший в детство.

Можно подумать, в Чикаго все гении.

Завесил зеркала простынями.

Даже в ванной комнате завесил. Мешало здорово. Ничего, привык. Чтобы о прическе и о бороде больше не думать, начал голову и морду брить электробритвой каждое утро.

Качество бритья проверял на ощупь.

Так и жил без зеркала. Как бы без лица.

И вот теперь... этот голос, подозрительно похожий на мой...

Придется снять простынку с зеркала в прихожей и посмотреть.

Перетерплю как-нибудь. Что есть, то есть...

...

Подошел к зеркалу.

Почему-то запахло йодом и рыбой.

Сдернул простыню.

В зеркале я не увидел ни себя, ни прихожей. Только бескрайнюю водную гладь.

Мамочка, океан! Неужели и впрямь, делирий?

По океану плыл большой белый корабль. И вот, я, хотите верьте, хотите нет, уже плыву на океанском лайнере по Атлантическому океану!

У меня отдельная каюта. Маленькая, но уютная. С иллюминатором. На стене – репродукция картинки Пикассо. На полке – затейливая деревянная коровка. Вроде бы и деревянная, но в то же время живая. Бычка хочет.

Иллюминатор так широк, что я могу вылезть наружу и прыгнуть в воду, если на судне начнется пожар и другие пути к спасению будут отрезаны.

И вот... я то и дело высовываюсь из иллюминатора и кукарекаю. Стреляю из пушки и звоню в колокол. Зажмуриваю глаза и жадно дышу свежим морским воздухом.

Солнце печет как на экваторе. Вода плещется в трех метрах от меня.

В синей колеблющейся ее глубине мелькают силуэты огромных рыб.

На поверхности воды не плавает раздувшийся труп утопленника. И чайки его не клюют.

...

Решил пройти по кораблю и познакомиться с экипажем и другими пассажирами, узнать, куда мы держим курс. Нехорошо плыть непонятно откуда и неизвестно куда. Всю жизнь только это и делал. Пора положить конец этому безобразию!

Надо выйти на палубу, осмотреться, расспросить кого-нибудь о нашем рейсе, а потом найти капитанский мостик и нанести визит вежливости капитану и команде. Сообщить, что я прибыл на борт. Может быть, они меня ждали и подготовили сюрприз. После этого можно выкурить сигару и выпить виски с содовой в баре для пожилых джентльменов. Почитать Таймс или Шпигель. Пофлиртовать с интеллигентной гречанкой или шведкой. Поиграть на бильярде... посплетничать с офицером, ответственным за культурное развлечение публики. Пожать лапу белому медведю и изнасиловать эскимоску.

...

Что еще делают на кораблях богатые путешественники?

Ага, можно посмотреть в бинокль на китов и дельфинов, незаметно поглаживая податливые округлости жены ближнего своего... поиграть в кегли, искупаться в судовом бассейне... купить дорогое ожерелье для тайной подруги в эксклюзивном магазине. Как это все прекрасно и захватывающе!

Гораздо лучше, чем торчать в марцанском одиннадцатизэтажном бетонном ящике и думать о приближающемся конце!

Вышел в длинный коридор. Между дверями в другие каюты висели фотографии известных кораблей и морских портов. Вильгельм Густлофф, Левиафан, Европа, Танго Мари, Марсель, Неаполь, Сан-Франциско...

Многообещающе!

Коридор был пуст. Я прошел его до конца, но никого не встретил. Хотел подняться на палубу, но не нашел ни лифта, ни лестницы.

Решил вернуться в свою каюту, но забыл ее номер...

Номер, номер... Не помню. Помню только, что не 237 и не 408.

Хорошо еще, на полу и на стенах не было кровавых пятен!

Топоры не валялись... на корабле не было ни золотых слитков, ни гор трупов, ни гигантских осьминогов, ни сошедших с ума машин, ни матросов-зомби, ни блуждающих призраков. Не было и ошалевшей блондинки с ружьем и кухонным ножиком.

Опять побрел по коридору... и вдруг заметил, что коридор разветвляется. Странно.

Свернул направо. Подумал: Перпендикулярный первому коридор не может быть таким же длинным, как первый, очевидно протянутый вдоль судна. Он должен быть короче, чем ширина корабля.

И сразу же испугался – а что, если это не так?

Опасения мои оправдались. Бывает такое – чего испугаешься, то и происходит. Как по заказу. Конца второго коридора видно не было. Значит... я не на корабле, а в Лабиринте.

...

Догадался, для чего океан, корабль и прочие... декорации.

Скучающему Минотавру понадобилась очередная жертва. Старо и неоригинально!

Стоило ради этого вытаскивать меня из берлинской конуры?

Я ведь не молоденькая девушка и не афинский мальчик.

Неужели этому быкоголовому типу интересно губить того, кто уже загублен?

Постойте, постойте... согласно другому варианту легенды, Минотавру скармливали преступников... и сам Лабиринт был всего лишь тюрьмой на Крите, расположенной где-то рядом с Кносским дворцом.

Стало быть – я преступник, отправленный с помощью зеркальной ловушки в тюрьму. Казнит меня палач-бык. Вот оно что. Достойное окончание дурацкой комедии.

...

Заметил, что дверь в одну из кают приоткрыта. Постучал и ввалился.

В каюте находилась немолодая женщина с пепельно-платиновыми волосами и ногтями. Сидела в кресле. В темной ночной рубашке. Босая. Нюхала розу в бокале и кокетливо поглядывала на меня. Жестом предложила мне присесть на аккуратно застеленную койку...

– Разрешите представиться. Меня зовут Антон Сомна.

– Анна. Анна Клэр. Не хотите ли чашечку чаю?

– Спасибо, нет. Вы киноактриса?

– Не совсем. Я преподавала в колледже. А вы кто?

– Трудно понять. Мне пытались внушить, что я умер 66 лет назад в городке Миранда, и с тех пор странствую по нижним мирам.

– А что вы сами о себе думаете?

– Ничего особенного. Родился в Москве, уехал в Германию тридцатичетырехлетним болваном, постарел, начал чудить. И зовут меня иначе. Но мне будет приятно, если вы будете называть меня Антоном.

– Замечательно. Антон, так Антон. С вами интересно. Тут на корабле такая скука. По коридорам бродят какие-то тени.

– Может быть вы мне сообщите, куда мы плывем?

– Ах, плывем куда-то. Мне абсолютно все равно, куда. Не все ли равно?

– Вы встречали капитана, или кого-нибудь из команды?

– Нет, я даже не смогла на палубу выйти. Хорошо еще догадалась дверь не закрыть в свою каюту, иначе бы не нашла и ее.

– Простите, а вы когда изволили прибыть на борт?

– Минут двадцать назад, а что?

– И уже успели заскучать?

– Ну да... это ведь так естественно...

– Вы упомянули... о тенях. Что это за тени?

– Вы мне вряд ли поверите. Вначале мимо меня прокрался полупрозрачный театральный урод с огромным носом. Мне он показался похожим на этого... знаменитого режиссера-биомеханика, которого так страшно пытали коммунисты. Он еще письма писал... душераздирающие... и жену его убили. А потом по коридору пролетел удивительно красивый мужчина. Немного болезненный. В мундире Белой армии. И в фуражке. Меня оба этих персонажа не заметили, хотя я им вежливо помахала рукой. Да, и еще... один раз я видела карлика. Очень гадкого. Лицо его и руки были запачканы в крови. Карлик посмотрел на меня, ухмыльнулся гаденько, погрозил кривым пальчиком и растаял в воздухе.

– Сочувствую. Позвольте спросить, как вы тут оказались?

– Сама не знаю. Я лежала в шезлонге в моем садике в Оксфорде, на восточном берегу речки Червелл. Дремала. Наслаждалась ароматом роз, которые сама вырастила. Мимо меня проплывали лодочки с влюбленными. Кузнечики стрекотали. А с неба падали пастилки. Затем... сама не знаю, как очутилась в этой каюте.

- А вы в зеркало не смотрели?
- Откуда вы знаете? Точно, захотела нос попудрить, посмотрела в зеркало в пудренице, а там – вода. Корабль плывет. И меня перенесло сюда. Глупо. Но со мной уже один раз что-то подобное произошло. Невероятная и жуткая история.
- Может быть, расскажете. Самое время.
- Попробую. Вы, кажется, не заметили, что мы говорим на русском.
- Заметил. Но почему-то не придавал этому значения. Действительно, где это вы так насобачились? Говорите почти без акцента. Оксфордская дама... Вы что, русский там, в колледже, преподавали?
- Нет, моя специальность была – английская литература. Русский я преподавала факультативно. А говорить по-русски я научилась от отца-эмигранта. Это пригодилось мне в самом ужасном месте на Земле – под Москвой, в Сухановской пыточной тюрьме. Спецобъекте 110.
- Кошмар. Какой же черт вас туда занес? Я и не знал, что кто-то из заключенных выжил.
- А я и не выжила. Меня там расстреляли после трех лет издевательств и мучений.
- А как же Оксфорд, колледж, розы?
- Объяснить не могу. Но полагаю, мой Оксфорд, это то же, что и ваша Германия. То, что вы назвали «нижними мирами». Лимб. Промежуточный мир, существующий в параллельной реальности, сообщающийся как-то с обычным миром. Свидетельств его существования множество. Поэзия, живопись, музыка. Но сейчас для нас с вами главное свидетельство того, что Лимб существует – это мы сами.
- Отрадно осознавать, что не я один тут сумасшедший.
- Да, да. И этот корабль конечно тоже часть Лимба.
- Ну что же, Лимб, так Лимб. Расскажите, как вы попали в Сухановку... это место пострашнее любого ада...
- Это случилось через несколько месяцев после окончания Второй Мировой. Все радовались, что войне пришел конец. Я как раз собиралась поступить в колледж святой Хильды. Говорят, была очень привлекательной девушкой...
- Вы и сейчас...
- Оставьте, мы не дети... так вот... вы когда-нибудь слышали о нацистском проекте «Хронос» или «Колокол»? Несколько лет назад книжка вышла. Один поляк написал.
- Что-то читал когда-то... уфологический бред...
- Ну да, бред. Но не совсем. Принято думать, что быстро вращающиеся внутри колокола цилиндры, между которыми находился жидкий металл на основе ртути, создавали что-то вроде антигравитации, и колокол мог свободно левитировать в пространстве... Вторая гипотеза – что особое магнитное поле, генерируемое этой конструкцией, убивало все живое вокруг, так что колокол можно было использовать как оружие массового поражения. Так вот, все это неправда. Колокол создавался нацистами именно для того, чтобы силой проникнуть в Лимб. Нацисты были помешаны на оккультизме. Они хотели пробурить этим чертовым аппаратом дырку в пространственно-временном континууме. Дырку или проход. Проход в параллельную реальность. Чтобы овладеть другими мирами. И использовать Лимб в своих целях.
- Кто же вам все это рассказал?

– Сам Берия. В своем кабинете в Сухановке. Советы захватили один из этих адских колоколов в Польше. Вместе с мощным электрогенератором. Привезли их в Москву. Установили где-то и начали свои опыты.

– А как же вы-то в мясорубку угодили?

– Не знаю. Может быть советчики так его настроили... чтобы людей похищать... и за кем-то важным охотились, но ошиблись... Знаю только, что заснула я в кровати в общежитии колледжа святой Хильды, а проснулась – на откидывающейся доске в камере Сухановской тюрьмы. Избитая и изнасилованная. Камера... пол бетонный... оконце – крохотное, зарешеченное. Еда несъедобная. Пахнет блевотиной. И страшные крики истязуемых страдальцев из подвала. Весь день. Меня там держали, как я поняла позже, не из-за того, что я чем-то Сталину не угодила, как Ежов, Кольцов или Бабель, а из-за секретности. Никто не должен был знать, что я существую. Никто. И никто и не знал. Когда меня из камеры выводили, мешок на голову надевали. Я была там чем-то вроде Железной Маски. Допрашивал меня сам Берия. Унижал, бил, насиловал часами. Гнусное чудовище. Подонок этот был смышлен, быстро понял, что толку от меня никакого. Я родилась и жила в Оксфорде. О нацистском секретном проекте ничего не знала. Почему проклятая машина перенесла именно меня через Лимб прямо в лапы сталинских палачей – понятия не имела. Берия мной быстро пресытился, я ведь была еще невинной девушкой, что с такой взять? Три года меня там держали просто так, не отпускать же, а потом расстреляли. Без суда и следствия. Монсеньор смилостивился надо мной, я не исчезла во тьме, а попала в Лимб. В оксфордское отделение.

– Вам повезло.

– Ну это как считать. Я жила там, любила, преподавала, но все время знала, что эта жизнь не настоящая... а сумеречная, искусственная. Сотканная из моей мечты.

– За что же вас из рая перенесли сюда, на корабль?

– Не знаю.

– Пойдете со мной в лабиринт?

– Нет, я трусиха... останусь в своей каюте. У меня на полке полные собрания сочинений Китса и Шелли. Хочу перечитать. Заходите, господин Сомна, когда Минотавра прикончите, на чашечку зеленого чая. Помогает от всех кручин.

...

Произнеся это, госпожа Клэр замерла, поникла, остекленела, и я заметил, что на ее месте в кресле сидит искусно сделанная кукла из папье-маше.

Вышел из ее каюты и пошел по коридору. Неожиданно услышал звук открывающихся дверей. Прямо передо мной была кабина лифта. Шикарная, светлая. С лифтером, симпатичным седым негром в комичной ливрее.

– Куда прикажите?

– Если можно, на капитанский мостик.

– На мостик вам, сударь, вход закрыт. Отвезу вас на верхнюю палубу. Там все собрались. Даже кровавый нарком почтил своим присутствием.

– Валяйте.

...

Двери лифта открылись...

Я вышел и очутился не на палубе океанского лайнера, плывущего по обратной стороне Атлантики, и не в Лабиринте, логове Минотавра, по которому носились таинственные тени, и даже не в потустороннем театре, в котором Ежов в огромных рукавицах служит охранником, а несчастный Мейерхолд поставил свою последнюю пьесу с Сергеем Эфроном в главной роли, нет, нет... я очутился в магазине Нетто.

В том, который расположен всего в ста метрах от моего дома в Марцане.

Я шел вдоль длинного открытого холодильника. Перед собой толкал хромированную тележку, полную продуктов.

Так... проверим... молоко полтора процента. Есть.

Куриное мясо ломтиками. Можно потушить с черносливом. Есть.

Малина. Крупная? Да. И без мушек. Есть.

Две пачки сливок. С малинкой сделаю. Есть.

Яблочные пирожные. Легкие и почти не сладкие. Есть.

Баклажаны. Пожарю «под грибы». Есть.

Яйца. Надо покрупнее найти. Есть.

Что я еще хотел взять? Да, креветки... четыре упаковки... Есть.

Салат из крабов. Есть.

Пожалуй, несколько коробочек с суши тоже не помешают... Иногда так хочется свежей рыбки с рисом. Есть.

Шесть еще теплых булочек с маком... Есть.

И... Ах, да, греческий творог и апельсиновый изюм без косточек. Есть!

Двести грамм Камамбера. Есть.

И полкило кураги. Обожаю. Съедобный янтарь. Есть.

...

Знакомая кассирша, толстая немка с лицом ньюфаундленда, заметила, принимая у меня наличные: Вы сегодня много покупаете, что, гостей ждете?

– Нет, не жду. Просто проголодался. Кстати, не нашел почему-то язык.

– Свежие бычьи языки привозят по пятницам, но их быстро раскупают. Оставьте заказ у продавщицы.